

Относительно данной ситуации интересно рассмотрение зарубежного опыта принятия решений по возмещению потерпевшим причиненного преступлением ущерба в схожих условиях. Так, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., закреплено общее правило о государственной компенсации ущерба в случаях, когда реституция не смогла удовлетворить по различным причинам (неплатежеспособность преступника, обнаружение преступника и т. д.) интересы потерпевших. В большинстве стран из государственных фондов возмещается лишь вред, причиненный жизни и здоровью граждан (США, Великобритания, Германия, Австралия, Япония и др.). В ст. 240 УПК Швейцарии, например, закреплено положение о том, что если в ходе предварительного следствия обвиняемым было внесено обеспечение (аналог российского залога), то в случае уклонения обвиняемого от участия в процессе данное обеспечение используется для удовлетворения требований потерпевшего. Кроме того, в ст. 263 УПК Швейцарии указано, что предметы и имущественные ценности обвиняемого подлежат изъятию, если они понадобятся для обеспечения возмещения.

Данные примеры зарубежного правового регулирования рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, имеют возможность быть и в отечественном законодательстве. В частности, вполне возможно использование для возмещения ущерба потерпевшему средств, внесенных обвиняемым в качестве залога, в случае его уклонения от участия в процессе. Применение данной меры позволит более эффективно выполнять государственную задачу по обеспечению прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Таким образом, обязанность следователя обеспечивать возмещение потерпевшему ущерба, причиненного преступлением, закреплена на законодательном уровне, однако успех ее выполнения зависит от надлежащим образом организованной деятельности следователя.

УДК 343.13

Т.К. Рябина

ПРОИЗВОДСТВО ЗАДЕРЖАНИЯ НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УПК РФ

В теории уголовного процесса среди российских ученых продолжительный период ведется дискуссия о допустимости задержания до возбуждения уголовного дела, отсутствует единое и ясное представление о правовой природе задержания и содержании составляющих его этапов и действий. УПК РФ с момента его принятия не содержит прямого запрета на проведение задержания до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, и вообще, в гл. 12 УПК РФ не прослеживаются никаких упоминаний и отсылок к первой стадии уголовного судопроизводства, а между тем очень часто отношения, регулируемые этими двумя институтами, возникают как минимум в один временной промежуток, подчас одновременно, имея под собой одинаковые юридические факты.

Распространенная в российской уголовно-процессуальной доктрине точка зрения сводится к недопущению уголовно-процессуального задержания до возбуждения уголовного дела в принципе, авторы ведут речь о допущении на данном этапе лишь фактического задержания – действий по захвату лица – и его доставления в орган дознания или к следователю, при этом указывается на непроцессуальный характер данных действий. Процессуальное задержание при этом допускается по уже возбужденному уголовному делу. Также представительна по числу сторонников позиция, обосновывающая, что задержание подозреваемого является процессуальным действием с того момента, когда лицо доставлено к следователю (в орган дознания), именно с этого момента начинается фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения по процессуальным основаниям. Интересна точка зрения, в которой обосновывается, что на стадии возбуждения уголовного дела при определении момента фактического задержания законодатель применил юридическую фикцию: фактически задержанное лицо по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела считается незадержанным в порядке, установленном УПК РФ, и наоборот, в случае возбуждения уголовного дела подозреваемый считается задержанным с момента фактического задержания, которое произошло еще до возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, применение меры процессуального принуждения в виде задержания следует рассматривать как систему последовательных процессуальных действий, производимых с момента фактического захвата лица по подозрению в совершении преступления до момента его освобождения или истечения срока задержания, в случае если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Вычленив из этой системы отдельные элементы-действия (фактическое задержание, доставление), апеллируя к их непроцессуальному характеру или скорее к нерегламентированности УПК РФ, по крайней мере нелогично: без начальных правоотношений по задержанию не будет и последующих его этапов; исследование института задержания только в разрезе правоотношений, возникающих по факту доставления заподозренного лица или составления протокола задержания, было бы поверхностным, формальным.

В условиях отсутствия должного регулирования этого весьма важного вопроса современной российской практикой сформирован удобный подход, при котором уголовно-процессуальному задержанию подозреваемых на этапе проверки сообщения о преступлении предшествует их административное задержание и личный досмотр сотрудниками правоохранительных органов. Показательно, что сегодня в научных трудах процессуалистов можно встретить конкретные практические рекомендации подобного толка. Последующее задержание подозреваемого в уголовно-процессуальном порядке связывается законом с необходимостью производства ряда процессуальных мер, направленных на прием и проверку сообщения о преступлении, принятие решения о возбуждении уголовного дела. Лишение свободы лица, доставленного для задержания, в указанный период остается нерегулируемым, а значит, оно недопустимо. Особенно остро стоит проблема вольного определения и фиксации органами предварительного расследования начального момента задержания, ведь в таком случае до момента составления протокола задержания заподозренное лицо может находиться в состоянии фактически задержанного не один час. В материалах предварительной проверки, а впоследствии и уголовного дела могут отсутствовать документы, отражающие факт какого-либо ограничения свободы передвижения заподозренного. «Задержанный» дает объяснения, ожидает результаты исследования или иных проверочных действий якобы добровольно. Безусловно, такой подход идет вразрез с позицией Конституционного Суда РФ, международно-правовыми принципами и, по сути, направлен на легализацию повсеместных нарушений процессуального порядка задержания, особенно если фактическое задержание и доставление лица происходит на стадии возбуждения уголовного дела.

Весьма интересен в этой связи пример белорусского УПК. Согласно ч. 2 ст. 108 УПК Республики Беларусь задержание может производиться до возбуждения уголовного дела в случае, если лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения. При этом вопрос о возбуждении уголовного дела должен быть решен органом уголовного преследования в течение 12 часов с момента фактического задержания. В случае отказа в возбуждении уголовного дела или непринятия решения о возбуждении уголовного дела в указанный срок задержанный должен быть освобожден. Согласно ст. 173 УПК Республики Беларусь до возбуждения уголовного дела может быть произведен также и личный обыск при задержании. Авторами одного из проектов УПК РФ также предлагалось закрепить в законе «задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления», производство которого в исключительных случаях допускалось до возбуждения уголовного дела.

Как мы видим, законодательное закрепление процессуальной формы и содержания института задержания лица по подозрению в совершении преступления предполагает возможность применения дифференцированного подхода при их реализации на этапе возбуждения уголовного дела. По общему правилу для возбуждения уголовного дела нужен меньший объем данных, указывающих на признаки преступления, чем для задержания лиц по подозрению в совершении преступления. Однако задержание с поличным – единственный случай, когда основание для задержания совпадает с основанием для возбуждения уголовного дела. В этой связи целесообразно наделить органы расследования правом производить уголовно-процессуальное задержание с составлением протокола задержания до возбуждения уголовного дела в случаях, когда основанием задержания стало непосредственное обнаружение лица при совершении преступления или непосредственно после него. Постановление о возбуждении уголовного дела в таком случае должно быть вынесено при первой реальной возможности, но не более 8 часов с момента доставления, что соответствует продолжительности одного рабочего дня. Применительно к другим основаниям задержания, перечисленным в ст. 91 УПК РФ, решение проблемы защиты прав личности фактически задержанного лица видится в процессуальном закреплении правила о незамедлительном доставлении задержанного лица в орган дознания или к следователю для составления протокола задержания и постановки на учет задержанного; об обязательной фиксации момента доставления лица в орган дознания или к следователю посредством видеосъемки в режиме реального времени и составления протокола доставления, в котором должны быть указаны дата, время, место и обстоятельства фактического задержания лица, данные, удостоверяющие личность задержанного, время и место, способ доставления лица в орган дознания или к следователю, подпись задержанного лица.

Стоит отметить, что долгое время не подвергавшийся никаким преобразованиям институт задержания был недавно изменен Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ и дополнен указанием на обязательность участия защитника при составлении протокола задержания в производстве по уголовному делу, если он участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, правом подозреваемого на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. Несмотря на то что эти положения в литературе оцениваются критически с точки зрения законодательной техники и реализации на практике, считаем все же, что данные новеллы являются первыми шагами российского законодателя в последующей реформации института задержания, необходимость в которой продиктована рассмотренными проблемами соблюдения прав личности фактически задержанного лица на стадии возбуждения уголовного дела.

УДК 343.13

Я.П. Ряполова

ПОЛУЧЕНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

С момента принятия УПК РФ и каждой последующей попыткой преобразовать институт доследственной проверки вновь и вновь поднимался вопрос о необходимости закрепления возможности получения объяснений до возбуждения уголовного дела. Ведь в ряде случаев без получения объяснений не представляется возможным решить вопрос о наличии или отсутствии в проверяемом событии признаков преступления, объяснения получают сразу же после совершения преступления или же в течение непродолжительного срока с момента его совершения. Объяснения обладают высокой вероятностью достоверности, поскольку лицо, их дающее, пока не подвержено влиянию заинтересованных в исходе проверки лиц, а детали происшедшего еще свежи в его памяти.

До принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ возможности использования объяснений в уголовно-процессуальном доказывании были весьма ограниченными, и длительное время практические работники, можно сказать, вхолостую отбирали объяснения, зная, что в последующем весь добытый материал необходимо будет вводить в уголовный процесс заново процессуальными средствами путем проведения дублирующих в содержательном плане допросов, повторных вызовов свидетелей, что не удовлетворяло потребностей современной правоприменительной практики.

В этом смысле получение объяснений в ходе доследственной проверки совершенно обоснованно закреплено в УПК РФ. В соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Определением Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О вопрос о доказательственном значении объяснений, добытых в ходе доследственной проверки, был решен на самом высоком уровне: объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, отнесены к иным документам.

Сегодня УПК РФ предъявляет ряд требований к процедуре получения объяснений (ст. 49 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Так, лицу, от которого истребуется объяснение, должно быть разъяснено право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК. В случае если объяснение истребуется у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, ему должно быть разъяснено право иметь защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а при необходимости обеспечено участие защитника. Адвокат, явившийся вместе с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в любом случае должен быть допущен к участию в получении объяснения у данного лица. При необходимости безопасность